

УДК: 165.0:82

DOI: 10.15372/PS20250512

EDN: AJXHIQ

Н.В. Головки**ПРИМЕР Б. УЭЗЕРСОНА,
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ
И ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ УКОРЕНЕНИЯ**

Цель работы – показать, что пример, который приводят Дж. Фантл и М. Макграт (2002), (прагматические соображения относительно риска приписать желаемый эпистемический статус данному убеждению в данной ситуации влияют на само понятие «эпистемический факт» и, как следствие, мы должны отказаться от эвиденциализма, как представления о том, что необходимые и достаточные условия обоснования определяются исключительно доступными эпистемическими данными), не достигает своей цели. Идея Б. Уэзерсона (2005) заключается в том, чтобы показать, что Дж. Фантл и М. Макграт не проводят различия между «степенью доверия по отношению к истинности пропозиции» (прагматические условия на обоснование) и «степенью доверия к убеждению» (прагматические условия на убеждение). Мы полагаем воспользоваться логикой поиска адекватного эпистемического отношения укоренения, т.е. «метаубеждений, которые объясняют то, почему эти основания являются именно теми основаниями, в силу которого убеждение принимается» (Г. Харман, К. Коркз и др.), связывающего соответствующее убеждение и его основания. Б. Уэзерсон указывает лишь на один возможный вариант фиксации отношения укоренения – через «аналогию с лотерей», – но в более общем случае логика поиска адекватного эпистемического отношения укоренения позволяет более полно указать на то, что мы можем обосновать «практический характер рассуждения» не прибегая к допущениям, которые уже предполагают, что мы обязаны интерпретировать обоснование в терминах «прагматических соображений».

Ключевые слова: эпистемология, эвиденциализм, обоснование, прагматические соображения, эпистемическое отношение укоренения.

N.V. Golovko

**WEATHERSON'S EXAMPLE,
PRAGMATIC ENCOACHMENT,
AND EPISTEMIC BASING RELATION**

The paper aims to show that the example given by J. Fantle and M. McGrath (2002) (pragmatic considerations regarding the risk of attributing the desired epistemic status to a given belief in a given situation affects the very concept of «epistemic fact» and, as a consequence, we must abandon evidentialism as the idea that necessary and sufficient conditions of justification are determined exclusively by available epistemic data) does not achieve its goal. The idea of B. Weatherson's example (2005) is to show that J. Fantle and M. McGrath do not distinguish between «the degree of confidence in the truth of a proposition» (pragmatic conditions on justification) and «the degree of confidence in a belief» (pragmatic conditions on belief). We want to use the logic of an adequate epistemic basing relation, i.e. «meta-beliefs that explain why these reasons are precisely the reasons by virtue of which the belief is held» (G. Harman, K. Korcz, etc.), connecting the corresponding belief and its reasons. B. Weatherson points out on only one possible option for assessing the basing relation – through the «analogy with lotteries», – but in a more general case, the logic of looking for an adequate epistemic basing relation allows us to more thoroughly indicate that we can justify the «practical nature of reasoning» without resorting to assumptions that already suggest that we are obliged to interpret justification in terms of «pragmatic encroachment».

Keywords: epistemology, evidentialism, justification, pragmatic encroachment, epistemic basing relation.

Статья «Данные, прагматика и обоснование» Дж. Фантла и М. Макграта, несомненно, является одной из знаковых работ контекстуализма, – в традиции закрепляется пример «Поезд», который теперь становится таким же классическим, как «Аэропорт» С. Коэна или «Банк» К. Дероса, выдвигается не просто аргумент против эвиденциализма, а целая альтернативная парадигма, требующая учета «прагматических соображений» (pragmatic encroachment) в ходе эпистемического обоснования [5].

Однако, в первом же «замечании на полях» (буквально в сноске номер 1), если присмотреться, встречаются сразу несколько нетривиальных тезисов, обсуждение которых может быть даже более интересным, чем итоговый вывод авторов. «Пример с лотереей никогда не представляется как один из вариантов примеров Гетье» [5, р. 87]. Если для вас основной результат Э. Гетье заключается в демонстрации ограниченности логической аргументации, в частности, принципа замыкания (*closure / transmissibility*), то та самая работа Дж. Хоторна «Знание и лотереи» (2004) неожиданно приобретают гораздо более фундаментальный смысл, раскрывая еще один (независимый!) паттерн аргументации в эпистемологии. Еще замечание: «Эвиденциализм представляет собой тезис, что если S не знает, то это не потому, что у S не хватает (lack) данных» [там же]. Утверждение, которое (кроме того, что заставляет еще раз обратиться к интуиции, стоящей за примерами Э. Гетье) буквально заставляет нас вернуться к определению эвиденциализма и еще раз проверить то, насколько хорошо мы его понимаем. Обе эти ремарки показывают, что «эвиденциализм» – это не просто известный тезис Э. Кони и Р. Фелдмана: «(EJ) Доксастическая установка D по отношению к пропозиции P эпистемически обоснована для S в t , если и только если обладание (*having*) D отвечает (*fits*) данным, которые есть у S в t » [4, р. 83]. Ключевое понятие, конечно же, – «данные», – которые есть не что иное как «убеждения», которые играют определенную роль в принятой модели эпистемического обоснования. Однако в общем случае, кроме прочего, всегда есть возможность по-разному понимать и то, что значит «обладать данными», и то, какие ментальные состояния следует считать данными, и то, как эти данные свидетельствуют в пользу P .

Ниже мы еще раз остановимся на логике рассуждений Дж. Фантла и М. Макграта. При определенных допущениях (в частности, если принять во внимание позицию Дж. Кванвига о том, что риск совершить ошибку является всего лишь еще одним фактором, подчеркивающим принципиально субъективный характер приписывания эпистемического статуса убеждению) у нас есть возможность представить пример «Поезд» как одну из форм скептического аргумента «от ошибки» [3]. Брай-

ан Уэзерсон предлагает рассмотреть «прагматические соображения» и соответствующую связь обоснования и данных в терминах лотереи, т.е. буквально воспользоваться первым из приведенных «замечаний на полях». Более того, принимая во внимание другое «замечание на полях», он предлагает развести «степенью доверия по отношению к истинности пропозиции» (прагматические условия на обоснование) и «степенью доверия к убеждению» (прагматические условия на убеждение). Как следствие, Б. Уэзерсон показывает, что у нас есть возможность обосновать «Если S обоснованно принимает что P , тогда S обоснован в использовании P как посылки в практическом рассуждении» *не прибегая* к допущениям, которые уже предполагают, что мы обязаны интерпретировать обоснование в терминах «прагматических соображений». На наш взгляд, рассуждения Б. Уэзерсона являются частным примером более общего случая, который показывает то же самое. Если перейти к логике обнаружения эпистемического отношений укоренения, которое, по сути, в рамках принимаемых ограничений, является «мета-убеждением, которое объясняет то, почему эти основания является именно теми основаниями, в силу которых данное убеждение принимается» (Г. Харман, К. Коркз и др.), то основания, связывающие «прагматический контекст» (например, акцентирующий внимание на концепции увеличения полезности действия) и собственно «эпистемический контекст» (касающийся истинности обсуждаемой пропозиции) обсуждения «степени доверия к убеждению» будут разными. А значит, никаких оснований говорить собственно о «прагматическом характере обоснования» не будет.

Пример Б. Уэзерсона

Суть рассуждений Дж. Фантла и М. Макграта заключается в том, что они предлагают ввести в оборот еще одно необходимое условие эпистемического обоснования, а именно – прагматическое условие: «(PC) S обоснован в принятии (believing) что P только если для S рационально выбрать (refer) [оказаться в ситуа-

ции] как если бы P » [5, р. 77]¹. В классической парадигме «обоснование» – это то, что переводит истинное мнение в знание и в этом смысле тезис о том, что «то, что переводит истинное убеждение в знание чувствительно (*sensitive*) по отношению к практическому окружению (*practical environment*), в котором находится субъект», по крайней мере, можно рассматривать как нетривиальное ее расширение. Однако, не все с этим согласны. Цель, которую ставит перед собой Б. Уэзерсон, заключается в том, чтобы показать, что эпистемическое обоснование не обязательно быть «прагматически чувствительным». Ошибка, которую по его мнению допускают Дж. Фантл и М. Макграт, заключается в том, что «(PC) не следует рассматривать как *прагматическое условие на обоснование*, оно должно пониматься как *прагматическое условие на убеждение*» (курсив наш – Н. Г.) [11, р. 417]. Логика рассуждений Б. Уэзерсона заключается в том, что нельзя просто так перейти от «(B) S принимает что P если и только если S выбирает (*refer*) [оказаться в ситуации] как если бы P » к «(JB) S обоснован в принятии что P только если S обоснован в выборе [оказаться в ситуации] как если бы P ». «Будет ошибкой полагать,

¹ Мы исходим из того, что «первое условие» (*belief condition*) традиционного трехчастного определения знания – « S believes that P », как минимум, следует обозначать как «условие принятия»: « S принимает убеждение что P ». (Нам известно, что у Э. Гетье, например, оно стоит на втором месте, но есть что-то странное рассуждать о характеристиках P – истинности и обоснованности до того, как это P зафиксирует для себя субъект). Речь идет о конкретном убеждении, которое по каким-то причинам сформировалось в сознании субъекта и, более того, выделяется субъектом (из всех прочих осознанных и неосознанных убеждений, которые мы предполагаем, что находятся в пределах когнитивного доступа субъекта) как релеватное (по каким-то причинам) для данной ситуации. Также подчеркнем, что форма «что P » (*that P*) в данном случае не случайна. Если мы принимаем пропозициональную теорию знания, то теоретически мы обязаны различать пропозицию « P » и убеждение «что P ». Но здесь, конечно, многое зависит от того, насколько строго мы готовы (в первую очередь, в постоянной практике употребления выражений, содержащих соответствующие термины) принимать и постоянно напоминать себе о различных оговорках, в том числе, стоящую за семантической концепцией истины и T -предложением А. Тарского. Например, мы можем не писать «субъект S обоснован в принятии что P » и ограничиться «субъект S обоснован в принятии P », поскольку «принятие P » по определению означает формирование убеждения «что P », – но это не значит, что мы забыли о том, о чем действительно хотим сказать.

что мы вывели (JB) из (B) навесив нормативный оператор. (JB) не будет прагматическим условием на обоснование точно также как и (PC), которое мы получили заменив “обосновано” на “рационально”, поскольку мы просто вывели условное утверждение (conditional) из двухсторонней условной зависимости (biconditional)» [11, p. 418]¹.

Предмет обсуждения Дж. Фантла и М. Макграта – эвиденциализм в самом широком смысле, например, как тезис о том, что «субъект S обоснован в принятии P если и только если у S есть данные в пользу P ». И в этом смысле, нет никаких проблем с тем, чтобы привести примеры, в которых будет нарушаться следующее представление: «если у нас есть два субъекта S_1 и S_2 , то необходимо, что если S_1 и S_2 обладают одними и теми же данными в пользу P , то они будут одинаково обоснованы в принятии P и более того, S_1 будет обоснован в принятии P если и только если S_2 также обоснован в принятии P ». Именно об этом пример «Поезд»: практическая значимость обстоятельств, в которых находится субъект, опасность сделать неверный вывод из имеющихся данных, и заставляют Дж. Фантла и М. Макграта говорить о том, что в одном контексте субъект обоснован, а в другом – нет, заставляют говорить о том, что прагматические соображения влияют на обоснование. С точки зрения Б. Уэзерсона проблема заключается в том, что Дж. Фантл и М. Макграта не говорят о том, о какой степени обоснованности P идет речь. По умолчанию считается, что мы говорим о знании P , но в общем случае это не так. «Получается, что вся претензия к эвиденциализму строится на том, что неверно утверждение вида: для любых двух субъектов S_1 и S_2 и для любой эпистемической степени α , если S_1 и S_2 оба принимают в отношении P степень α , то S_1 будет обоснован в принятии P если и только если S_2 также обоснован в принятии P . Но почему? Последнее утверждение сообщает нам нечто относительно *прагматических соображений и их роли в психологии и в философии сознания*, но никак не относительно прагматических соображений и их роли в эпистемологии» (курсив наш – Н. Г.) [11, p. 419]. В логике замечания « S не знает не потому, что

¹ Можно заметить, что здесь Б. Уэзерсона также соглашается с невозможностью обойтись сугубо логической аргументацией в эпистемологии (см., например, [1]).

у него не хватает данных» Б. Уэзерсон предлагает разделить «прагматическую чувствительность понятие убеждения» и «обыденное, прагматически не-чувствительное понятие эпистемического обоснования».

Соответственно Б. Уэзерсон приводит следующий пример: «Гарри и Луиза стоят на платформе, на которой останавливаются два типа поездов – почтовые и экспрессы (не останавливаются на следующих пяти станциях). Проблема в том, что глядя на приближающийся поезд сложно сказать, какой именно в настоящий момент подходит к станции. По условию задачи им нужно попасть на станцию после следующей. При этом Луиза едет отдыхать и понимает, что в случае ошибки, для нее не будет проблем пересест на следующей остановке экспресса, – это небольшое путешествие не будет иметь никакого значения. Но у Гарри запланирована встреча, на которую нельзя опоздать. Стоя на платформе, они слышат разговор стоящих рядом ожидающих, и один из них говорит другому: “Это почтовый”. Времени проверить то, какой именно поезд подходит, нет» [11, р. 434]. Дж. Фантл и М. Маграт полагают, что несмотря на то, что эпистемически ситуация для Гарри и Луизы ничем не различается (у них один и тот же объем эпистемических данных), очевидно, сопутствующие «прагматические соображения» разные, а значит, Луиза обоснована в том, что приближающийся поезд почтовый, а Гарри – нет. «Но означает ли это, – спрашивает Б. Уэзерсон, – что само *понятие эпистемического обоснования должно быть чувствительным по отношению к прагматическому интересу субъекта?* Нет. Все происходящее можно описать как предложение сыграть в игру. Если поезд – экспресс, то они потратят на дорогу больше времени. Для Луизы это игра с низкими ставками, она ничем не рискует. Но для Гарри это игра с высокими ставками. Что каждый из них должен сделать? Какое убеждение каждый из них должен принять?» [11, р. 435].

Подчеркнем, Б. Уэзерсон сознательно интерпретирует ситуацию, описываемую Дж. Фантлом и М. Макгротом в терминах «примера с лотереей», а также формулирует не один вопрос: «кто обоснован?», а два: «что в этой ситуации предпочтительнее сделать?» и «о каком именно сформированном убеждении, которое

каждый из них принимает в данной ситуации, идет речь?»¹. С точки зрения Б. Уэзерсона, описывая рациональное поведение Гарри и Луизы (и если мы воспользуемся критерием увеличения полезности действия), Луиза должна сесть на поезд, а Гарри – нет. Гораздо интереснее предлагаемый ответ на второй вопрос: «Фундаментальное допущения, которое я хотел бы сделать, заключается в том, что основной предмет эпистемической оценки – это степень доверия убеждению (*degree of belief*), либо то, что называется состоянием уверенности (*state of confidence*) по отношению к данному убеждению. С этой точки зрения Гарри и Луизы, они обоснованы принять *одну и ту же степень доверия убеждению* (это отвечает общей логике эвиденциализма, когда степень доверия должна быть пропорциональна имеющимся данным, а условный объем данных по отношению к формируемому состоянию уверенности у Гарри и у Луизы одинаковый – *Н. Г.*). Они оба формируют состояние убеждения, отвечающее определенной степени доверия, – которая не является степенью абсолютно максимальной (*certain*), – что поезд почтовый. И тогда почему мы говорим, что Луиза обоснована, а Гарри – нет? Потому что тут в рассмотрение включается контекст. Контекст вводит представление о *предпочтительном действии*, которое должны совершить Гарри и Луиза. Гарри не должен садиться на поезд, т.к. это действие (на основании имеющейся у него информации)

¹ В данном случае русский язык может сыграть злую шутку. Вопрос, который задает Б. Уэзерсон звучит как: «What should each of them believe?». И в данном случае, конечно, речь не может идти о том: «Во что каждый из них может верить?». Следуя Р. Чизолму, предмет эпистемологии – эпистемический статус «убеждений» (*belief*), а значит, никаких «вер» или «мнений». Эпистемический статус убеждения может быть как «низкий», например, «очевидно ложное» (*obviously false*), так и «высокий», например, «за рамками разумного сомнения» (*beyond reasonable doubts*), и в данном случае этимология, стоящая за словами «вера» или «мнение», на наш взгляд, будет только мешать. Отсутствие в русском языке адекватных средств фиксации предикатов, отвечающих понятию убеждение, – это эмпирический факт. Но это не означает, что мы должны, в угоду благозвучия, опускать то, о чем собственно говорится. В данном случае «What should each of them believe?» указывает на конкретные убеждения (а также на их соответствующие различные эпистемические статусы), которые возникнут (или по каким-то причинам выбираются ими как значимые) в головах Гарри и Луизы. И перевод «Какое именно убеждение каждый из них принимает?» с заменой «believe» на «принять убеждение» будет наиболее корректным.

не является для него рациональным (с точки зрения практической рациональности и концепции увеличения полезности действия – Н. Г.). В данном случае, практические соображения важны не потому, что они влияют на *степень доверия по отношению к истинности пропозиции* (что собственно и является предметом эпистемологии). Они важны потому что оказывают влияние на то, *относится ли эта разумная с точки зрения субъекта степень доверия к убеждению* (что является предметом исследования психологии и философии сознания). Здесь нет оснований считать прагматические соображения (concerns) частью эпистемологии» (курсив наш – Н. Г.) [11, р. 435]. Перед нами два вопроса. Эпистемологический вопрос об «обоснованности убеждения» (степень доверия по отношению к его истинности), ответ на который должен (в силу нормативности концепции обоснования) носить, в каком-то смысле, объективный характер. И вопрос о «степени доверия убеждению» в контексте его принятия в конкретной ситуации. Б. Уэзерсон интерпретирует этот второй (психологический в широком смысле) вопрос и соответствующий контекст как игру с низкими и высокими ставками. Это то, что не имеет никакого отношения к истинности пропозиции, т.е. к предмету эпистемологии.

Сложно сказать, удастся ли Б. Уэзерсону таким образом исключить прагматические соображения из эпистемологии. Здесь, в контексте обсуждения проблемы прагматических соображений, в том виде, как ее задают Дж. Фантл и М. Макграт, судя по всему, проблема действительно может быть в том, что они не придают значения тому, о каком эпистемическом статусе убеждения «на платформу прибывает почтовый поезд» идет речь. Абсолютность «знать» лишает нас возможности развести контексты, о которых говорит Б. Уэзерсон, – мешает развести «объективный эпистемический статус убеждения» (подчеркнем, «объективность» здесь крайне размытое понятие) и «прагматически чувствительное понятие убеждения». И как только мы начнем говорить применительно к данному убеждению о «любой эпистемической степени α », необходимость переносить прагматические соображения на обоснование (именно то, что фиксирует эпистемический статус) отпадет. Тем более, что вопрос о том, можем ли мы действительно что-либо именно знать в обыденной жизни не является простым.

Прагматически чувствительное понятие убеждения

Ранее мы уже обращали внимание на то, в каком смысле, теоретически, применительно к анализу рассуждений Дж. Фантла и М. Макграта, а также к сопутствующей парадигме «прагматических соображений», можно интерпретировать «прагматическую чувствительность понятие убеждения». С одной стороны, мы можем согласиться с рассуждением Дж. Кванвига о том, что «в случае с поездом [в работе Дж. Фантла и М. Макграта] подчеркивается акцент на риске совершить ошибку. Однако сам по себе акцент на риске совершить ошибку не вносит никакой анти-эвиденциалистский элемент в теорию знания. Привязка акцента на риске совершить ошибку к обладанию знанием всего лишь ведет к осознанию большей субъективности знания. Тут важно посмотреть на факторы, которые влияют на то, какой акцент мы выбираем. Если это акценты, касающиеся практических аспектов ситуации, которая влечет потерю (loss) знания, – это одно, но если акцент касается именно риска совершить ошибку, то очевидный фактор, в данном случае, – это субъективный характер принимаемого решения. И субъективность подобного рода не может быть частью критики эвиденциализма» [9, р. 84] (см. [3]). С другой стороны, мы можем согласиться с парадигмой, в которой работает А. Круглянский: «любая эпистемология – “обыденная”, “нормативная”, “научная” – отражает общий, одинаковый для всех психологический процесс получения (acquisition) знания, который подвержен влиянию одинаковых для всех психологических факторов, недостатков и уязвимостей. “Знание” – это пропозиция, по отношению к которой субъект обладает определенной степенью психологической уверенности (confidence). В этом смысле получение знания предполагает, что (1) пропозициональное содержание должно быть как-то произведено (generated) в сознании и что (2) данная степень уверенности должна быть как-то в сознании этой пропозиции придана (bestowed). Именно психологическая мотивационная составляющая *бессознательно* буквально управляет когнитивным процессом по производству, закреплению за убеждением соответствующего эпистемического статуса и его последующей переоценкой, а также обеспечивает основу для других сопутствующих когнитивных и аффективных, в том числе, поведенческих, реакций субъекта на подтверждение и/или опровержение имеющейся информа-

ции» (курсив наш – Н. Г.) [8, р. 9]. (см. [2]). На наш взгляд, существует и третий вариант того, как можно интерпретировать «прагматически чувствительное понятие убеждения» не смешивая (на чем настаивает Б. Уэзерсон) «степень доверия по отношению к истинности пропозиции» и «степень доверия к убеждению».

Рассмотрим пример «Цыганский адвокат», который приводит К. Лере: «Предположим, что адвокат, защищающий подсудимого, абсолютно доверяет предсказаниям на картах. Карты говорят, что клиент невиновен. Это повод для адвоката еще раз проанализировать улики, и ему неожиданно удается построить очень сложную, но обоснованную (valid), линию рассуждений, подтверждающую, что клиент невиновен. Однако эмоциональная вовлеченность адвоката, общественная шумиха вокруг обсуждаемого дела, а также то, что его линия рассуждений гораздо сложнее линии рассуждений прокурора, мешает остальным согласиться с ним. И если бы не непреложная (unshakable) убежденность адвоката в предсказаниях на картах, то она бы и сама согласилась с прокурором. Только уверенность в картах дает основание (reason) сказать, что адвокат знает, что клиент не совершал убийство» [10, р. 312]. Что произошло? Как отмечает К. Коркз, в данном случае «адвокат рационализирует свое убеждение о том, что его клиент невиновен, но он не имеет надлежащих оснований (not justified) полагать, что его клиент невиновен, – его убеждение, что клиент невиновен, основано на “плохой причине“, – он апеллирует к картам» [7, р. 528]. На наш взгляд, эту интерпретацию К. Коркза описанного примера К. Лере можно использовать в рассуждениях Б. Уэзерсона. Здесь К. Коркз говорит о «плохой причине» и использует это наблюдение для того, чтобы предположить, что «более адекватным будет отношение, которое свяжет основания и убеждение посредством некоторого *мета-убеждения, которое объясняет то, почему это основание является именно тем основанием, в силу которого убеждение принимается*» (курсив наш. – Н. Г.) [7, р. 532]. К слову, К. Лере также говорит о том, что «вопрос о том, дают ли основания знание, зависит от того, что данные основания *объясняют*» [10, р. 311]. Вернемся к примеру Б. Уэзерсона, здесь «мета-убеждение», о котором идет речь, – это то, что объясняет Луизе и Гарри то, почему для них рационально считать, что приближающийся поезд почтовый.

Прагматические соображения, не в последнюю очередь, появляются как следствие возможности смешать эпистемическую рациональность и практическую рациональность, которая в данном случае определяется практическим характером вывода, который делают Луиза и Гарри. В этом смысле, Б. Уэзерсон отмечает, что «наша задача состоит в том чтобы показать достоверность (JP): Если S обоснованно принимает что P , тогда S обоснован в использовании P как посылки в практическом рассуждении (reasoning), – не прибегая к допущениям, которые можно использовать как аргумент в пользу обоснования концепции прагматических допущений в отношении обоснования» (курсив наш – *Н. Г.*) [11, р. 436]. На наш взгляд, в данном случае апелляция к «мета-убеждению, которое объясняет то, почему это основание является именно тем основанием, в силу которого убеждение принимается» может объяснить эту интуицию Б. Уэзерсона, а также закрепить соответствующее понимание «прагматически чувствительного понятия убеждения».

Собственная логика рассуждений Б. Уэзерсона связана с анализом силлогизма:

P

Если P, тогда S должен (should) принять ставку

Таким образом, S должен принять ставку

и демонстрацией того, в каком смысле мы можем принять его или не принять, когда рассматриваем (PC) « S обоснован в принятии что P только если для S рационально выбрать [оказаться в ситуации] как если бы P » Дж. Фантла и М. Макграта. В конце концов Б. Уэзерсон указывает на то, что «принимая во внимание роль импликации в ходе практического рассуждения, мы можем оказаться в ситуации, когда независимо от того, являются ли истинными обе посылки, субъект может быть обоснован в принятии (believing) заключения. Ведь проблема не в том, является ли принятие что P рациональным на основании данных, которые есть у субъекта в пользу P . Проблема в том, чтобы найти посылку, которая, принимая во внимание P, сделает заключение – решение принять ставку – рациональным. И очевидно Фантл и Макграт в качестве такой посылки (а значит и основания (reason), на основании которого принимается соответствующее убеждение – *Н. Г.*) выбирают максимизацию ожидаемой полезности» [11, р. 440]. Речь идет о том, сама природа рассматриваемого практического

силлогизма такова, что даже если обе посылки истинны (а для Дж. Фантла и М. Макграта P – истинно, т.к. по сути они работают только с одним эпистемическим статусом – знанием), то заключение из них может не следовать. Другими словами, здесь всегда есть опасность попасть в ситуацию «Цыганский адвокат», когда основания «на основании которых субъект обосновывает убеждение» (в собственно эпистемическом смысле, как отношение к имеющимся данным и к истинности соответствующей пропозиции) могут быть не теми основаниями «на основании которых субъект это убеждение принимает». Проблема может быть в природе практической рациональности. В данном случае «апелляция к максимизации ожидаемой полезности» – это и есть то самое «мета-убеждению, которое объясняет то, почему это основание является именно тем основанием, в силу которого убеждение принимается», которое принимают Дж. Фантл и М. Макграат. Для них обоснование достоверности (JP), о котором говорит Б. Уэзерсон, изначально содержит посылку «прагматического допущения». В то же время, более честная постановка, согласно Б. Уэзерсону, заключается в том, чтобы посмотреть на ситуацию более широко, – с точки зрения «прагматических соображений и их роли в психологии и философии сознания»: «Мы исходим из того, что P обосновано если и только если степень уверенности в P достаточна для того, чтобы принять P в данном контексте, и субъект обоснован в приписывании данной степени уверенности для P . Мы можем сказать, что субъект принимает что P потому что (а) он предпочитает (в каком-то релевантном смысле) принять что P , чем не принять что P , и (б) имеющиеся условные утверждения, содержащие P , (conditionalising on P) не могут изменить решения субъекта сделать ставку (субъект будет склонен сделать ставку независимо от условий, налагаемых на P). Но *это еще не все* из того, что нужно для того, чтобы считать, что субъект принимает убеждение. Мы также должны спросить, будут ли условные утверждения, содержащие P , изменять содержание *любой другой посылки аргумента*» (курсив наш – Н. Г.) [11, р. 441]. В определенном смысле, здесь Б. Уэзерсон подчеркивает, что хороший аргумент должен быть не только «верным» (valid), но и «достоверным» (sound). Понятия «обоснование» и «рациональное принятие решения» – это разные понятия и попытка объединить их в одном

аргументе (как, по-видимому, и поступают Дж. Фантл и М. Макграт) буквально наталкивается на проблему достоверности (в смысле soundness) вывода. И в этом смысле, на чем настаивает Б. Уэзерсон, нет никакой необходимости рассматривать интуицию «прагматического соображения» как часть концепции обоснования.

* * *

Приведенный пример К. Лере и его интерпретация К. Коркзом – это пример рассуждений, раскрывающих понятие «эпистемического отношение укоренения» (epistemic basing). Убеждение обосновано, только когда оно надлежащим образом опирается на адекватные основания. Само по себе наличие адекватных оснований – это лишь достаточное условие обоснования. Для того чтобы убеждение было эпистемически обосновано, необходимо показать, что предполагаемый эпистемический статус убеждения должным образом следует из соответствующих оснований, что эти основания, как отмечает Г. Харман: «являются именно теми основаниями, *в силу которых* (for which) убеждение принимается (held)» [6, р. 26]. Но именно об этом и говорит Б. Уэзерсон, разделяя «степень доверия по отношению к истинности пропозиции» и «степень доверия к убеждению». В рассуждениях Дж. Фантла и М. Макграта, равно как и в других рассуждениях тех, кто якобы стремится «расширить» представление об эпистемической рациональности (в данном случае, за счет привлечения логики практического рассуждения), может быть заложена ошибка не выполнения надлежащего эпистемического отношение укоренения, – которая приводит к ситуации, аналогичной описанной в примере «Цыганский адвокат». И в этом смысле, пример Б. Уэзерсона с акцентом на том, что прагматические соображения не обязательно должны касаться понятия обоснования, но затрагивают «прагматически чувствительное понятие убеждения» и вопросы его принятия (т.е. по сути вопросы «мета-убеждений, которые объясняют то, почему эти основания являются именно теми основаниями, в силу которого убеждение принимается») более чем показателен. В данном случае концепция эпистемического отношений укоренения – это инструмент, который объясняет то, почему рассуждения Б. Уэзерсона будут состоятельными. Потому что сопутствующие рассуждения будут объяснять (мы будем понимать

наличие соответствующего мета-убеждения как объяснение) субъекту, в каком смысле субъект принимает убеждение, – и этот контекст будет действительно «прагматически чувствительным». Сама апелляция к необходимости выписывания адекватного эпистемического отношения укоренения в каждом конкретном случае может считаться независимым аргументом в пользу интуиции «прагматических соображений», но только в смысле принятия убеждения, но не его обоснования. Б. Уэзерсон указывает лишь на один возможный вариант фиксации отношения укоренения – через «аналогию с лотерей», но в более общем случае логика поиска адекватного эпистемического отношения укоренения позволяет более полно указать на то, что мы можем обосновать «практический характер рассуждения» не прибегая к допущениям, которые уже предполагают, что мы обязаны интерпретировать обоснование в терминах «прагматических соображений».

Литература

1. Головки Н.В. Чего нет в известной статье Эдмунда Гетье // Сибирский философский журнал. 2023. № 1. С. 105–126.
2. Головки Н.В. Контекстуализм, парадокс Круглянского и натурализованная эпистемология // Философия науки. 2024. № 3. С. 83–108.
3. Головки Н.В. Эвиденциализм, тезис Фантла–Макграта и аргумент от ошибки // *Respublica Literaria*. 2023. Т. 4, № 4. С. 5–13.
4. Conee E., Feldman R. *Evidentialism: Essays in Epistemology*. Clarendon Press, 2004.
5. Fantl J., McGrath M. Evidence, Pragmatics, and Justification // *Philosophical Review*. 2002. Vol. 111 (1). P. 67–94.
6. Harman G. *Thought*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1973.
7. Korcz K. The Causal-Doxastic Theory of the Basing Relation // *Canadian Journal of Philosophy*. 2000. Vol. 30, № 4. P. 525–550.
8. Kruglanski A. *Lay Epistemics and Human Knowledge*. Springer Science, 1989.
9. Kvanvig J. Against Pragmatic Encroachment // *Logos & Episteme*. 2011. Vol. 2. No. 1. P. 77–85.
10. Lehrer K. How Reasons Give us Knowledge, or the Case of the Gypsy Lawyer // *Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68, № 10. P. 311–313.
11. Weatherston B. Can We Do Without Pragmatic Encroachment? // *Philosophical Perspectives*. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 417–443.

Reference

1. *Golovko, N.V.* (2023). Chego net v izvestnoy statie Edmunda Getie [What is not mentioned in the famous article by Edmund Gettier]. *Siberian Journal of Philosophy*, 1, 105-126.
2. *Golovko, N.V.* (2024). Kontekstualizm, paradoks Kruglyanskogo i naturalizovannay epistemologia [Contextualism, Kruglanski's paradox and naturalized epistemology]. *Philosophy of Science*, 3, 83–108.
3. *Golovko, N.V.* (2023). Evidentsializm, tezis Fantla–Makgrata i argument ot oshibki [Evidentialism, Fantl–McGrath's argument and the argument from error]. *Respublica Literaria*, 4 (4), 5–13.
4. *Conee, E., Feldman, R.* (2004). *Evidentialism: Essays in Epistemology*. Clarendon Press.
5. *Fantl, J., McGrath, M.* (2002). Evidence, Pragmatics, and Justification. *Philosophical Review*, 111 (1), 67–94.
6. *Harman, G.* (1973) *Thought*. Princeton, NJ: Princeton University Press
7. *Korcz, K.* (2000) The Causal-Doxastic Theory of the Basing Relation. *Canadian Journal of Philosophy*, 30 (4), 525–550.
8. *Kruglanski, A.* (1989). *Lay Epistemics and Human Knowledge*. Springer Science.
9. *Kvanvig, J.* (2011). Against Pragmatic Encroachment. *Logos & Episteme*, 2 (1), 77-85.
10. *Lehrer, K.* (1971) How Reasons Give us Knowledge, or the Case of the Gypsy Lawyer. *Journal of Philosophy*, 68 (10), 311–313.
11. *Weatherson, B.* (2005). Can We Do Without Pragmatic Encroachment? *Philosophical Perspectives*, 19 (1), 417–443.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович. Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
golovko@philosophy.nsc.ru

Information about the author

Golovko, Nikita Vladimirovich. Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia).
golovko@philosophy.nsc.ru

Дата поступления 27.08.2025